

Загидуллина Дания Фатиховна

ПОСТМОДЕРНИЗМ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ: ПОЭТИКА ФРАГМЕНТАРНОСТИ

Статья посвящена новым явлениям в татарской поэзии рубежа XX-XXI вв., в частности, поэзии Ю. Миннулловой, в творчестве которой происходит поиск новых путей развития национальной литературы и приемов художественности. Лиризм и символичность, стремление к детализации, в том числе через интертекстуальные связи, иллюзорность, эфемерность картины мира составляют основу ее стиля. Выявляется основной принцип структурообразования - фрагментарность. Отказ от последовательной повествовательной стратегии обеспечивает множественность смыслов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 1. С. 15-17. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.51:82-1/-9

Статья посвящена новым явлениям в татарской поэзии рубежа XX-XXI вв., в частности, поэзии Ю. Миннуллиной, в творчестве которой происходит поиск новых путей развития национальной литературы и приемов художественности. Лиризм и символичность, стремление к детализации, в том числе через интертекстуальные связи, иллюзорность, эфемерность картины мира составляют основу ее стиля. Выявляется основной принцип структурообразования – фрагментарность. Отказ от последовательной повествовательной стратегии обеспечивает множественность смыслов.

Ключевые слова и фразы: поэзия Ю. Миннуллиной; татарская поэзия; постмодернизм; лирический герой; фрагментарность.

Загидуллина Дания Фатиховна, д. филол. н., профессор
Академия наук Республики Татарстан
Zagik63@mail.ru

ПОСТМОДЕРНИЗМ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ: ПОЭТИКА ФРАГМЕНТАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-14-16010).

Татарская поэзия на рубеже XX-XXI вв. характеризуется масштабностью постмодернистских экспериментов. Среди молодых поэтов завершенностью подобных исканий, цельностью своего стиля выделяется творчество Юлдуз Миннуллиной, молодой поэтессы, первый небольшой сборник стихов которой уже позволяет сделать такие обобщения. Лиризм и символичность, стремление к детализации, в том числе через интертекстуальные связи, иллюзорность, эфемерность картины мира, которая указывает на множественность смыслов, – черты, присущие ее творчеству. По нашему мнению, структурообразующим художественным принципом в данном творчестве выступает фрагментарность, при помощи которого и возникает особое ощущение иллюзорности.

Эффект фрагментарности достигается «отказом от последовательной повествовательной стратегии в пользу коллажа» [3, стб. 1153], и обеспечивает множественность смыслов. Вместе с тем, вполне в традициях современной татарской поэзии заметно и присутствие авторского сознания, которое мерцает в сильных позициях, прежде всего, в названиях текстов, «в виде иерархически неупорядоченных фрагментов» [2, с. 205].

Творчество молодой поэтессы отличается также иносказательностью, и в названиях текстов зачастую кроется указание на смысл-доминанту. Например, длинный и фрагментарный монолог в стихотворении «Тиңсезлек» / «Неравенство» иносказательно повествует о любви молодых с разной религиозной ориентацией. Однако в самом тексте это «запрятано» в язык символов и деталей, нет ни одного открытого указания на данный смысл. Только название стихотворения, которое стилизовано по жанровым признакам под «длинное стихотворение» / «озын шигыр» и состоит из 7 разделов, раскрывает этот мотив. Таким образом, название стихотворения получает «автономию».

«Длинное стихотворение», возникшее в диалоге с фольклорным жанром «озын жыр» / «протяжная песня» в татарской литературе 1920-30-х годов, стало жанровым воплощением имажинистских стихотворений татарских поэтов [1, с. 130-141]. Возрождая этот жанр, молодая поэтесса XXI в. устанавливает интертекстуальную связь и с имажинистской поэзией татарских поэтов, которая по уровню детализации, стремлением к фрагментарности в какой-то мере созвучна с современными экспериментами.

Сборник стихов Ю. Миннуллиной открывается упомянутым стихотворением «Тиңсезлек» / «Неравенство» [4, б. 3-12]. Текст рассказывает о все возрастающем чувстве любви и заканчивается в точке отказа от нее. Сопровождают этот центральный мотив многочисленные удивительные образы: цветы – желтые голландские тюльпаны, жасмин, роза; звуки: блюз, звуки трамвая, паровоза (тур быргысы – сур быргысы: религиозный символ, горн, сообщающий о конце света); движение: улица, трамвай, озеро Кабан, кафе, дом, остановка трамвая, храм, железнодорожный вокзал. Времена года сменяют друг друга: снежная зима, февраль – весна – летний дождь – осенний дождь. Множество ассоциаций, которые уводят внимание то к танцу Кармен, то к вселенскому потоку после семидневного дождя, то к образу самой любви в виде храма, то через религиозную символику, указывают на образ молодого священника, влюбленного в «дочь сарацинов» (обобщенное название мусульман). Только в самом конце стихотворения лирическая героиня на какой-то миг идентифицируется с этой девушкой-мусульманкой. Очень сложно организованный текст буквально завораживает мерцанием множества мотивов и смыслов. Любовный мотив прерывается мотивом о грехе; тот, в свою очередь, – мерцанием любовного треугольника; мерцает всепрощающая человеческая любовь: «Исән генә йөрсен, / исән генә...» / «Пусть только живет, пусть будет здорова...». Кроме основного, ни один из них не выделяется авторским сознанием. По сути, текст является «открытым произведением» (У. Эко) – мозаичным, пребывающим в постоянном движении, ракурсы которого зависимы от сознания читателя [5, с. 286].

В каждом тексте присутствует философский мотив, который зачастую становится самым важным в тексте. В стихотворении «Бозлы тәрәзәдә бармак эзе» / «След пальца на обледелом окне», например, воссоздается обычная картина жизни: лирический герой наблюдает за ночным городом. Типичная мозаика: зима, бабушка внуку вяжет носки, старый лодочник гуляет возле речного порта, уходит в ночь мужчина из дома

напротив мечети, вслед летит бальзамин с балкона. Эти фрагментарные детали объединяются авторским сознанием в последних двух строках:

*Тоньклана бара шәһәр...
тының белән жылытмасаң эгәр [4, б. 13]. /
Город теряет ясные очертания...
если не согреть его своим дыханием (здесь и далее – подстрочный перевод автора – Д. З.).*

Мысль о том, что каждый человек сам создает действительность вокруг себя, сам интерпретирует и выделяет смыслы, заставляет вернуться к деталям и увидеть мерцание историй жизни.

В отдельных текстах структурообразующую функцию выполняет лирический герой-гисьянист, бунтарь, чувства которого, бьющиеся из одного края в другой, с одной стороны, напоминают подобных лирических героев татарских поэтов начала XX века, но, вместе с тем, в отличие от гисьянистских текстов (это течение напоминает экспрессионизм) предыдущих авторов. «Запятанная» ирония переносит их в иную, постмодернистскую плоскость, в плоскость постмодернистской чувствительности. Например, в стихотворении «Ә бер дүшәмбедә» / «А однажды в понедельник», казалось бы, представлен образ-характер человека, который весной вдруг почувствовал желание жить, желание освободиться от «потолков и поводьев».

Однако уже с первой строфы начинается воссоздаваться хаос бытия, и периодически возникающее у героя желание жить указывает, что человек не живет вовсе:

*Ә бер дүшәмбедә
Май башланды –
Ахшам алды иде:
Нидер эчтән өзелде дә
Тезген-түшәмнәрне
Көзге яңгырларга тикле
Читкә этте,
Жете яшел тәрәзәләр,
Сәдәпләре төшкән күлмәк төсле,
Гел жылбәгә. «Дгәр» ләрсез генә, айдә,
Йөрәктаудан сөрән-дәгъва:
Яшисе килә [Там же, б. 15]! /
А однажды в понедельник
Наступил май –
Был вечерний час:
Что-то оборвалось внутри и
До осенних дождей
Отодвинул в сторонку
Все поводья – потолки.
Ярко-зеленые окна,
Как потерявшая пуговицы рубашка,
Нараспашку. Давай, без всяких «если» –
Из сердца голос-требование:
Хочется жить!*

В этом хаосе под названием жизнь, где никто не живет вовсе, по задумке поэта, некоторые «болеют весной»: в результате у них возникает желание жить:

*Безгә, әни, шундый зәхмәт тигән,
Утмәсен дип, син дә келәү келә –
Тезгеннәрне өзәр исәрлек бу, әни:
Мең яшисе килә [Там же, б. 16]. /
К нам, мама, пристала такая болезнь,
Читай и ты молитву, чтобы не прошла –
Эта болезнь может оборвать поводья, мама:
Хочется тысячу раз жить.*

Повторяющийся образ поводьев указывает, что жить – это значит быть свободным. Но, кроме этого, в стихотворении определяются и другие «свойства» жизни: умение плакать, сопереживать («һавадан яшь исе килә?!» / «Небо пахнет слезами?!»); быть выше «необходимостей», «прогнозов» / «Фаразларга, фарызларга каршы // Әллә нидә бер // яшисе килә!»).

Мерцающий мотив в строках:

*Намазлыкка – каеп чиккән сөлге,
Сөлгеләрдә – әни кулы. /*

Вместо молитвенного коврика – вышитое полотенце,
Вышито руками мамы

– указывает на возможность интерпретации героя как религиозного человека. Рядом с «молитвенным ковриком» появляется и «ахшам», который означает и время вечерней молитвы, и «фарыз» – которое может быть понято как богоугодное дело.

По такому же принципу написанное стихотворение «Жирдә була шундый көннәр» / «На земле бывают такие дни» также при помощи риторического возгласа «Уянырга ашык» / «Поторопись проснуться» устанавливает интертекстуальную связь с общеизвестным мотивом сна. Продолжая этот диалог, текст по-иному интерпретирует «явь»: «зародись», «люби» / «Ярал!» «Ярат!».

Еще один текст, «Исеңдәме» / «Помнишь ли», для оценки действительности использует древнюю историю тюрко-татар:

*Исеңдәме,
Илгә каза килә калса,
Алтай тавы
Тулган айны калкан итте.
Богаулары батып кереп, ана бүре
Коры эфирне тырный-тырный
Ал кан итте [Там же, б. 31]. /
Помнишь ли,
Когда стране грозила опасность,
Горы Алтая
Превращали луну в щит.
Волчица, раздирая лапы в оковах,
Царапала сухую землю,
Обагрив ее кровью.*

Обращаясь к общеизвестному мифу о том, что Алтай является прародиной тюрков, а пращура тюрков воспитала волчица, Ю. Миннуллина воссоздает образ кровавого прошлого, а затем, в следующих строках переносит эту картину на сегодняшнюю действительность. Повтор констатации «Без бит болай бер яшәгән инде» / «Мы ведь так уже жили» и последняя строка: «Без бит башкача яшәргә тиеш» / «Мы ведь должны жить по-другому» звучат критической оценкой современности.

Стихотворения Миннуллиной, посвященные любви, отличаются экспрессивностью и емкостью образного ряда, философичностью. «Ярлыкавың көтеп» / «В ожидании твоего прощения», например, воссоздает картину казни Иисуса. Эта картина открывает возможность оценивать любовь – силой, превращающей человека в виноватого и пророка одновременно.

Воссоздаваемый Ю. Миннуллиной мир полон неожиданностей и экспрессии, он фрагментарен, так как состоит из проекций человеческих представлений, трактуется как нечто движущееся и меняющееся. Называя человека – «Чертовым колесом» / «Шайтан тәгәрмәче», смерть – возвращением домой, во Вселенную («Без киткәндә» / «Когда мы уйдем»), лирического героя – «волчком гисьяна» («Шайтан тәгәрмәче» / «Чертово колесо»), автор одновременно и эпатирует, и заставляет задуматься, зарождает ощущение беспокойства, деструкции. Данное творчество сопротивляется легкому прочтению, требует особой рецепции и отличается свободой экспериментирования.

Список литературы

1. Загидуллина Д. Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 207 с.
2. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 251 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
4. Миннуллина Й. Ф. Күк тирмәсе: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 47 б.
5. Фаустов А. А. Фрагмент // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 285-286.

POSTMODERNISM IN THE TATAR POETRY: POETICS OF FRAGMENTARINESS

Zagidullina Daniya Fatikhovna, Doctor in Philology, Professor
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Zagik63@mail.ru

The article is devoted to new phenomena in the Tatar poetry at the turn of the XX-XXI centuries, in particular, to Yu. Minnullina's poetry, in which there is the search for new ways of development of national literature and techniques of artistry. Lyricism and symbolism, the tendency to detailing, including through intertextual connections, illusiveness, ephemerality of the worldview form the foundation of her style. The basic principle of the structure formation – fragmentariness, is revealed. The refusal of consistent narrative strategy provides the multiplicity of meanings.

Key words and phrases: poetry by Yu. Minnullina; the Tatar poetry; postmodernism; the lyrical character; fragmentariness.